

– понуждение потерпевшего к копанию себе могилы;

– неоказание помощи раненному и воспрепятствование сделать это другим людям с целью добиться таким мучительным способом лишения его жизни;

– убийство, причинение вреда здоровью любой тяжести, изнасилование, насильственные действия сексуального характера в отношении родных и близких потерпевшего.

Эти признаки должны оцениваться в каждом конкретном случае в зависимости от пола, возраста и состояния здоровья потерпевшего, но приведенный перечень ни в коем случае не является исчерпывающим. Человеческая злоба и ненависть способны принимать самые причудливые и неожиданные формы. Они зависят от социальных, религиозных, национальных, бытовых и иных условий жизни потерпевшего и преступника, индивидуальных предпочтений и возможностей последнего. Здесь названы те виды особой жестокости, которые встречаются чаще всего, они в данном контексте отличаются тем существенным недостатком, что являются оценочными и, стало быть, носят субъективный характер.

Совсем не обязательно, чтобы в действиях виновного присутствовали не один, а несколько признаков особой жестокости. Она может воплотиться только в одном из них, чаще других – в нанесении множества прижизненных ранений, их должно быть не менее пяти-семи.

Можно согласиться с Н.К. Семернёвой, что отсутствие умысла на совершение убийства особо жестоким способом исключает возможность вменения п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, несмотря на то, что объективно способ убийства может выглядеть как особо жестокий [1, с. 222]. То же самое можно утверждать относительно таких преступлений, как причинение тяжкого вреда здоровью и причинение вреда здоровью средней тяжести, а также о жестоком обращении. При этом надо учитывать, что садистские действия (особая жестокость и жестокое обращение) могут выступать средством достижения других целей, например корыстных. И в таком случае у виновного должен быть умысел на совершение именно таких действий. Можно допустить здесь и косвенный умысел, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично.

Преступления, совершаемые с особой жестокостью, и жестокое обращение относятся к числу наиболее опасных преступлений, поэтому необходимо тщательно исследовать все обстоятельства их совершения. Правильная квалификация подобного поведения выступает в качестве его адекватной юридической оценки, но не только, поскольку здесь может наличествовать общественный резонанс, обеспечиваться законность или, напротив, ее нарушение, формироваться отношение к следствию и суду преступника и потерпевшего, закладываться основы исправления осужденных и т.д. Поскольку уголовный закон устанавливает и меры наказания, наиболее целесообразные для борьбы с данной категорией преступлений, то ошибки в квалификации могут ослабить эффективность этой борьбы, даже исключить ее.

Кудрявцев В.Н. отмечал, что правильная квалификация преступления весьма существенна для обвиняемого (осужденного). Для несведущего лица может быть не так уж очевидной разница в диспозициях ч. 1 и 2 ст. 105 УК РФ («Убийство»). Однако по первой части обвиняемому может быть определено наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет, а по второй ему грозит лишение свободы от восьми до двадцати лет, пожизненное лишение свободы либо смертная казнь.

Ошибка в квалификации может повлечь не только неправильное назначение меры наказания и нарушение принципа справедливости, но и необоснованное применение или неприменение ряда других правовых ограничений (назначение более строгого или более мягкого вида режима в местах лишения свободы, применение или неприменение амнистии, условно-досрочного освобождения, неправильное исчисление сроков давности, сроков, погашающих судимость, и т.д.) [2, с. 2].

Установление таких признаков, как особая жестокость и жестокое обращение, должно осуществляться в рамках Особенной части науки уголовного права, здесь же могут быть рассмотрены и вопросы наказания. Уголовно-правовые нормы о садистских преступлениях, как и любых других, не могут содержать (и не содержат) все многообразие признаков, необходимых для констатации именно данного преступления. Устанавливать наличие таких признаков должен правоприменитель, исходя из своих представлений о жестокости, ее пагубности применительно к определенному лицу с учетом всех особенностей последнего.

Констатируя правовую норму относительно ответственности за совершение преступления, законодатель стремится как можно полнее отразить в предлагаемом тексте меры защиты определенных жизненных ценностей, особенно жизнь и здоровье человека. Хотя они и являются главными ценностями, такие их качества размыты во времени и пространстве, в вековой морали, обычаях и традициях. Задачей законодателя является найти в человеке все то, что подлежит защите, и все то, что наносит ему вред. Уголовно-правовая норма, охраняющая человека, неизбежно эмоционально более насыщена, чем иная; такой же становится и представление о ней. Это не должно влиять на практическую деятельность при квалификации убийства или жестокого обращения.

Садизм может выражаться не только в действии, но и бездействии. В связи с этим можно напомнить, что садизм заключается не только в том, что причиняются мучения и страдания в результате физической или психологической агрессии, чтобы виновный в их причинении получил бы от этого удовольствие. Вполне допустимо, чтобы виновный такое удовольствие получит и в случае, если он не причинит другому мучения и страдания, – ведь для него главное в том, чтобы «другой» мучился и страдал. Поэтому садизм возможен и в ситуации, когда лицо не оказывает помощь больному, хотя и обязано это сделать в соответствии с законом или специальным правилом. В соответствии со ст. 124 УК РФ уголовная ответственность такого лица может наступить в случае, если оно действовало по неосторожности, но здесь нет садизма. Он будет наличествовать тогда, когда названная личность бездействует умышленно, и ее поведение следует квалифицировать по той ли иной статье уголовного закона в зависимости от вреда, причиненного бездействием жертве. Умышленное бездействие следует понимать как желание того, чтобы потерпевший мучился и страдал, доставляя удовольствие садисту.

Воспрепятствование оказанию медицинской помощи и оставление в опасности тоже могут совершаться по садистским мотивам, часто во взаимосвязи с другими мотивами, например корыстными.

Для установления признаков садизма в действии или бездействии обвиняемого (подсудимого) необходимо его психологическое исследование, понимание этой личности, уяснение смысла поведения. Вместе с тем обнаружение признаков садизма в поведении виновного не могут

быть юридически значимыми для квалификации преступления, если о том нет прямого указания в законе. Признаки состава преступления не могут быть добавлены или исключены из него по воле лица, применяющего закон, хотя признак садизма характеризует любого человека очень полно.

Садистское насилие как поведение входит в объективную сторону состава преступления, но сам садизм – в субъективную. В рамках объективной стороны разграничение садистских преступлений от таких же и иных возможно не только по способу действий, но и по признакам последствий, по месту и времени совершения преступлений. В составе, например, умышленного убийства причинная связь между поведением преступника и наступившими вредными последствиями является достаточно короткой и непосредственной. Садизма не может быть в преступлениях, совершаемых по неосторожности, отношение к возможным или уже наступившим последствиям – мучениям и страданиям жертвы – может быть только умышленным, в том числе с косвенным умыслом.

Это означает, что субъективная сторона насильственного преступления предполагает осознание каждого из объективных признаков такого состава, понимание того, что потерпевший испытывает мучения и страдания, что совершаемое деяние может причинить вред его здоровью и даже лишить жизни. Конечно, еще должно быть желание все это совершить. Если виновный хотел только причинить мучения и страдания, не желая смерти, но она наступила по независящим от него обстоятельствам, он должен нести ответственность за причинение смерти по неосторожности.

В субъективной стороне состава преступления может не осознаваться один чрезвычайно важный элемент – мотив поведения. Так, при совершении серийных сексуальных убийств часты множественные ранения жертвы, в том числе в области гениталий. Сами преступники обычно не в состоянии объяснить, почему они это сделали, почему им было необходимо причинять особые мучения и страдания. Они вообще не задумывались об этом, не понимали, что подобные действия могут их ярко характеризовать, объясняя мотивы садистских расправ. Но это не исключает возможность уголовного наказания таких личностей: их действия признаются преступными независимо от понимания преступником мотива своего поведения, если он вменяем. Какие-то объяснения мотивов фигурируют в уголовных делах, но, как правило,

они поверхностны и исходят из представления, что преступник, понимая, что толкает его на те или иные поступки, не представляя себе, что есть еще бессознательные мотивы, которые могут быть иными, но не подлинными. Огульное неприятие З. Фрейда и фрейдизма нанесло существенный урон науке и практике борьбы с преступностью. Не зная мотивы преступного поведения, невозможно исправлять осужденных.

Помимо понятия особой жестокости российский уголовный закон использует и другое понятие «жестокое обращение» для обозначения преступной агрессии против самых незащищенных – несовершеннолетних и животных. К сожалению, в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, особо не предусмотрено совершение преступления в отношении стариков, хотя в п. 3 ст. 63 УК РФ в качестве такого обстоятельства указано на преступные действия в отношении «другого незащищенного или беспомощного лица». Предположим, что, например, потерпевшим стал мужчина 70 лет, который по состоянию здоровья не является ни незащищенным, не беспомощным, но его завлекли туда, где он стал объектом садистской жестокости.

Представляется, что под жестоким обращением следует понимать садистские действия кроме названных выше. К ним можно отнести: оскорбления, жестокое сексуальное насилие, побои, угрозы убийством и причинения тяжкого вреда здоровью, оставление в опасности. В целом дать исчерпывающий перечень действий, составляющих особую жестокость или жестокое обращение, тоже невозможно. Их адекватная оценка зависит от конкретных обстоятельств времени и места совершения, характера самих действий, степени ущерба, нанесенного жертве, особенностей ее возраста, пола, состояния здоровья. Внешне схожие уголовно наказуемые поступки могут быть названы особой жестокостью либо жестоким обращением только с учетом названных обстоятельств. Самое главное – какой вред нанести потерпевшему, это следует считать исходным принципом.

Закалюк А.П. с соавторами признаки и проявление особой жестокости соотнесли с разными элементами состава преступления, в том числе с объективной стороной преступления, в том числе: с его способом (использование непосредственно до или в процессе его совершения пытки, истязания, мучения, термического, химического криогенного средства, мучительно действу-

ющих яда, кислоты, эссенции и т.п.; прижизненное многократное нанесение ран, иных болевых ощущений; отказ пощадить жертву, находящуюся в тяжелом состоянии; убийство подряд нескольких человек), с использованием или созданием специфической обстановки (совершение преступления: в присутствии близких потерпевшего, сознающих характер действия виновного; в отношении потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии вследствие малолетнего или престарелого возраста, болезни, алкогольного или наркотического опьянения); с образом поведения непосредственно после совершения (воспрепятствование оказанию либо оставление без помощи потерпевшего, испытывающего тяжелые страдания; глумление над трупом, кроме случаев его уничтожения или расчленения с целью скрыть преступление).

Для признания преступления совершенным с особой жестокостью требуется сочетание одного из названных признаков объективной стороны с умыслом на причинение особой жестокости. Однако множественность и вместе с тем возможная неполнота этих признаков, различное субъективное отношение к их значимости для признания особой жестокости затрудняют использование их на практике, ведут к тому, что при установлении названных признаков наличие особой жестокости в качестве отягчающего обстоятельства зачастую не констатируется, суды не ссылаются в приговоре. В связи с этим целесообразно выработать интегративное определение особой жестокости, которая, как справедливо считается, имеет самостоятельное юридическое значение [3, с. 6-7].

Требуемое определение особой жестокости выработано в криминологии и теории уголовного права. Это исключительная жестокость, превращающая по всей степени ту, которая в уголовном праве обозначена как жестокое обращение. Особая жестокость есть крайняя суровость, безжалостность, беспощадность, причинение мучительных страданий, в том числе таких, которые могут привести к смерти. И особая жестокость, и жестокое обращение совершенно обязательны для преступлений, где они предусмотрены. В той и другой видах жестокости проявляется субъективное отношение виновного к потерпевшему и его близким, схватывается умыслом на совершение преступления. В этом проявляется и отношение преступника к базовым извечным ценностям, к жизни и смерти, чести и достоинству человека, что, впрочем, не

имеет уголовно-правового значения, но нравственная значимость – чрезвычайная.

Установление и оценка правовых признаков особой жестокости относится к компетенции правоохранительных органов. Они руководствуются собственными наблюдениями и материалами судебно-медицинских экспертиз о локализации ранений, количестве повреждений, их тяжести и времени нанесения. В случае причинения тяжких психических страданий необходимо опираться на выводы судебно-психологических и комплексных судебно-психологических и психиатрических экспертиз потерпевших. Телесные повреждения после смерти жертвы не могут быть отнесены к особой жестокости. Надо различать пытки и страдания, первые применяются для получения нужных сведений, что не исключает получение преступником удовольствия от того, что жертва тяжело страдает.

Истязание не предлагает наличие названной цели, как при пытке. В ст. 117 УК РФ указано, что истязание имеет место в том случае, если оно не повлекло последствий, указанных в ст. 111 и 112 УК. Представляется, что есть основания указать здесь и на необходимость отсутствия признаков преступлений, предусмотренных ст. 105, 110, 115, 116 и 116 УК.

Необходимо рассмотреть проблемы мотивации садистских преступлений, т.е. содержащих в себе особую жестокость или жестокое обращение. В первой группе надо выделить те, которые совершаются только ради причинения самых жестоких страданий, что само по себе приносит удовлетворение преступнику и является мотивом его поведения. В той же группе привлекают к себе внимание особо жестокие преступления, в рамках которых страдание жертвы не является целью преступника, оно «только» сопутствующее обстоятельство, но преступнику не безразлично, мучается потерпевший или нет. Виновный может стремиться, например, к завладению ценностями, подвергая пыткам их владельца. В этом случае субъективным смыслом его поведения, мотивом может быть и корысть, и получение садистского удовлетворения. Еще в других ситуациях преступник вообще не обращает внимание на то, страдает жертва или нет. Так, нанеся ранение ночному сторожу магазина, преступник устремляется к ценностям, похищает их и скрывается, обрекая раненого на медленную смерть; ему безразлична его судьба.

Таковыми же мотивациями отличаются и преступления, которые определяются как жестокое обращение.

Разграничение мотивов позволяет более объективно и в то же время конкретно понять личность и поведение преступника. Поскольку личность такова, каковы ее мотивы, их выявление позволит назначить ему адекватное содеянному наказание. Между тем установление подлинных мотивов представляет собой сложную деятельность, которая под силу профессиональным психологам. Сотрудники правоохранительных органов обычно ими не являются, а поэтому представляется необходимым назначать судебно-психологическую экспертизу по уголовным делам анализируемого профиля.

Мотивами садистского поведения являются, во-первых, желание утвердить себя, в том числе в собственных глазах, доказать себе, что ты сильный, значимый, способен подчинять себе других; во-вторых, стремление заглушить свою тревожность, возникшую вследствие не очень понятных опасностей, заключенных в себе самом или (и) в окружающем мире; в-третьих, потребность получить удовольствие от своей всепокрушающей власти, оно может быть и физиологическим, как у сексуальных садистов; в-четвертых, садизм вообще и особенно преступный может мотивироваться местью человека другому человеку или всему человечеству. Известно немало случаев, когда садистские убийства совершали люди, которых общество травило, отвергало в замаскированной или самой грубой форме. Их изгнание из жизни обычно начиналось в родительской семье, где их не принимали, не любили и не заботились о них, не обеспечивали их успешную социализацию. Это чаще всего сопровождалось неудачами в школе, человек не получал необходимой трудовой квалификации, не смог создать собственную семью. Многократное совершение преступлений и долгие годы пребывания в местах лишения свободы – прямое следствие вычеркивания из жизни. Особенно трагична судьба инвалидов и людей, отмеченных уродством.

Совсем не обязательно, чтобы садисты сами мучали своих жертв, так сказать, своими руками, они могут убивать и причинять страдания через своих подчиненных и сообщников. Так поступали некросадисты Сталин, Гитлер, Пол Пот.

Нет и не может быть общего для всех понимания особой жестокости, нет его и в российском уголовном законе. Чтобы признать наличие этого признака, необходимо ориентироваться на то, какие мучения и страдания приносит потерпевшему поведение преступника. В теории уголовного

права особую жестокость считают правовым понятием. Так, по мнению Н.К. Семернёвой, установление и оценка ее признаков относятся к компетенции правоохранительных органов. Роль судебно-медицинской экспертизы состоит в установлении локализации ранений (при физическом воздействии на тело потерпевшего), количества повреждений, их тяжести и времени нанесения. Особое значение имеет применение пыток, истязаний и глумления над жертвой. Сюда же можно отнести умышленное неоказание ей помощи и воспрепятствование тому, чтобы это сделали другие [4, с. 218-219].

Таким образом, необходимо в полной мере использовать материалы судебно-медицинских экспертиз. Однако известно, что особая жестокость может иметь место и путем причинения психических страданий и мучений. В этих случаях будут необходимы данные судебно-психологических экспертиз, которые, на мой взгляд, необходимы и для уяснения характера умысла при физической особой жестокости – прямого или косвенного.

Бородин С.В. обоснованно считал, что «без выяснения данных о виде умысла по

отношению к особой жестокости нельзя считать обстоятельства убийства установленными с достаточной полнотой. По нашему убеждению, обязательное выяснение вида умысла виновного по отношению к особой жестокости является единственно возможным и верным критерием для решения вопроса о том, проявлялась ли при убийстве особая жестокость. Доктрина уголовного права исходит из того, что как прямой, так и косвенный умысел включают предвидение, которое служит не чем иным, как осознанием наступления результатов этого явления.

Если какое-то явление представляет собой результат другого явления, то предвидеть этот результат – значит осознавать свойство породившего его явления, осознавать связь между этим и другим явлением и результатом, осознавать характер результата. Применительно к рассматриваемому виду убийства это означает, что виновный тогда действует с особой жестокостью, когда осознает характер действия, желает или сознательно допускает наступивший результат, которым является особая жестокость [5, с. 108-109].

Список источников.

1. Семернёва Н.К. Квалификация преступления (часть Общая и Особенная). – М., 2004.
2. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2004.
3. Преступления, совершаемые с особой жестокостью. – Киев, 1989.
4. Семернёва Н.К. Указ. раб.
5. Бородин С.В. Преступления против жизни. – М., 1999.

Информация об авторе:

Ю. М. Антонян,

главный научный сотрудник центра по исследованию проблем криминологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, анализа и прогнозирования преступности, социологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, изучения общественного мнения о полиции, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, заслуженный работник МВД, почетный работник высшего профессионального образования

About the author:

Yu. M. Antonyan,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Chief Researcher of the Department for the Study of the Problems of Sociological Support of the Activities of the Internal Affairs Bodies, Study of Public Opinion about the Police of the Center for the Study of the Problems of Criminological Support for the Activities of the Internal Affairs Bodies, Analysis and Forecasting of Crime, Sociological Support of the Activities of the Bodies police investigating police

Статья поступила в редакцию 02.12.2024

Научная статья

doi: 10.29039/2312-7937-2024-4-15-19

МЕШАЛКИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (Москва, Россия),

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (Московская область, Россия)

vnii_mvд@mvd.gov.ru

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ УГРОЗАМ (оперативно-розыскной, криминологический и уголовно-правовой аспекты)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы научного обеспечения правоохранительного процесса противодействия современным террористическим угрозам. Определяются направления научного обеспечения, одним из которых является научное осмысление нормативно-правового регулирования правоохранительного процесса противодействия современным террористическим угрозам, выраженное в дальнейшей детализации международной дефиниции «терроризм», соизмеримости положений федеральных законов с нормами права, интеграцией норм модельных кодексов в отечественное законодательство государств-участников СНГ. В статье выделяется такое направление научного обеспечения, как оперативно-розыскная профилактика, приоритет которой представляется в выявлении умысла на совершение преступления, относящегося к террористической деятельности, который возникает посредством пропаганды террористической идеологии. В статье указывается, что при научном исследовании процесса профилактики терроризма необходимо концентрироваться на вопросах противодействия пропаганде террористической идеологии, так как именно она несет в себе существенную угрозу вовлечения граждан в террористическую деятельность.

Аргументируется вывод о необходимости в создании профильной системы, состоящей из оперативно-розыскных, криминологических, уголовно-правовых аспектов и т.д., способных создавать эффективные условия по своевременному выявлению и рациональному устранению реальных причин и условий возникновения и дальнейшего формирования идеологических истоков террористической направленности.

Ключевые слова и словосочетания: научное обеспечение правоохранительного процесса противодействия современным террористическим угрозам, осмысление нормативно-правового регулирования правоохранительного процесса противодействия современным террористическим угрозам, профилактика терроризма

Для цитирования: Мешалкин С. Н. Перспективные направления научного обеспечения правоохранительного процесса противодействия современным террористическим угрозам (оперативно-розыскной, криминологический и уголовно-правовой аспекты) // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 4 (72). – С. 15-19; doi: 10.29039/2312-7937-2024-4-15-19

MESHALKIN SERGEY N.

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia)
Advanced Training Institute of the MIA of Russia (Moscow region, Russia)